

ВАДИМ ГРИНЁВ

АБВЕР

18+

Вадим Гринёв

Абвер

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Гринёв В.

Абвер / В. Гринёв — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Летом 1941 года под Винницей Советским разведчикам удалось пленить немецкую абверкоманду, обучающую диверсантов-парашютистов. Всех захваченных привезли в Москву. Генерал НКВД Судоплатов предложил Сталину создать дубль своих абверовцев и вернуть их Гитлеру. Эта сумасшедшая идея была реализована.

ПРЕДИСЛОВИЕ ДЛЯ 30 +

Была у народов Европы очень короткая передышка между Первой Мировой и Второй Мировой войной. У России такой передышки почти не было. На ее территории Гражданская война едва закончилась в начале двадцатых, как начались войны с поляками, японцами, басмачами, финнами и другими народами. Как писал наш яркий советский поэт: «Дрянь адмиральская, пан и барон шли от шестнадцати разных сторон».

Среди победителей в 1-ой мировой войне России не было. Перекройкой границ и выплатой контрибуций занимались судебные власти стран победителей: Англии, США, Франции и Японии. После той войны границы Австро-Венгерской империи резко сузились, а у проигравшей и униженной Германии забрали все ее колонии, и она задолжала большие деньги победителям. У России, пытавшейся защитить своих единоверных православных сербов, положение оказалось хуже, чем у Германии. После отречения императора Николая 11-го от власти, Россия потеряла управление и стала доступной для вторжения инородных армий. Всю огромную территорию России наводнили войска западноевропейских стран – Англии, Польши, Франции, Чехии и даже побежденных Австрии и Германии. Это было недавно. Всего 100 лет назад. Российские граждане гибли от революционных разборок. От жестокости и коварства внутренних банд и вековой агрессии внешних банд государств. Россию открыто и беспардонно грабили. Вывозили продовольствие, золото, природные ресурсы. Особенной жадностью отличались немецкие войска. И это было всего лишь 100 лет назад. Россия рисковала исчезнуть с карты мира.

Новое советское российское государство, создаваемое деятелями компартии, рождалось в муках. Его беспризорные дети недоедали, болели и гибли тысячами. Была создана Рабочая Крестьянская Красная Армия, которая, наконец, защитила своих граждан. Дети простолюдинов массово начали обучаться в школах и жить согласно демократическим лозунгам французских коммунистов: «Свобода, равенство, братство!» В холодных классах детей учили писать: «Мы не рабы! Рабы не мы!» И эти краткие, но полные глубокого христианского смысла слова в советских школах писали дети всех сословий создаваемого советского общества.

В Европе стал зарождаться фашизм. В принципе он существовал со времен Юлия Цезаря. Бенито Муссолини свою партию «Союз борьбы» основал сразу после 1-й мировой в 1919 – 1923. У него учился Гитлер. Они оба хотели на континенте возродить подобие Римской империи, управляемой «сильными» нациями, а главное, – сильными личностями. Величие римлян маячило у них перед глазами. А тут Дарвин с Уэлсом подбросили европейцам идею «сильных и энергичных» наций, способных покорить остальные нации.

Фашисты Германии и Италии помогли фашисту Франко при тайной помощи США и Англии победить испанскую молодую и неопытную демократию. Международный Интернационал, воевавший на стороне испанских демократов проиграл. Этот проигрыш придал уверенность Гитлеру для завоевания одной за другой многих европейских стран. Смрад от печей, в которых конвейерным способом сжигались люди, распространился по всей Европе.

Многие советские люди старшего поколения видели кадры послевоенной кинохроники, в которых была показана встреча генералиссимуса Сталина с американским президентом Трумэнном. На той встрече Трумэн тихо, «по секрету», сказал Сталину, что США располагают атомными бомбами. Сталин, раскуривая свой любимый табак «Золотое руно», и виду не подал, что напуган. Трумэн был удивлен. И, по-видимому, решив показать не только России, но всему миру, реальную мощь атомной бомбы, отдал приказ сбросить пару бомб на японские города. Это было сделано после окончания кровопролитной мировой войны. В памяти современников еще были свежи приговоры Нюрнбергского Суда. К миллионным жертвам Европейских стран, живым узникам германских концлагерей добавились сотни тысяч погибших японских граждан, жертв американской атомной бомбардировки японских городов. Мир увидел кадры

с телами японцев, пораженных лучевой болезнью, и сгоревшими до костей. Расчетливым американским политикам было мало атомных бомбардировок беззащитных людей. Пентагон планировал нанести ядерные удары по важнейшим промышленным городам Советского Союза: Владивостока, Новосибирска, Красноярска, Челябинска и других, которые немцы не смогли разбомбить. У американцев, не понесших экономических потерь, все было для выполнения этой варварской акции. И атомные бомбы, и самолеты, способные их доставить к цели. Однако, военные стратеги США просчитали, что у Сталина после Победы над Германией, производилось большое количество самолетов, и были подготовлены в боях с фашистскими асами опытные пилоты. Они убедили Трумэна в том, что даже при значительных разрушениях советских городов, российские пилоты нанесут огромный ущерб американским городам, застроенным небоскребами. Хрущев, опоганивший Сталина, в свое правление опирался на военную доктрину, которая предусматривала застраивание городов малоэтажными зданиями. Эта доктрина не без основания опиралась на последствия американских бомбардировок. Никита Сергеевич с трибуны ООН страшил империалистов, и обещал показать им «Кузькину мать». Шведы с норвежцами с перепугу стали строить атомные бомбоубежища в своих скалистых фьердах. Американцы с канадцами продавали бетонные семейные бомбоубежища оптом и в розницу.

Прозвучала на весь мир советская антивоенная песня «Бухенвальдский набат». Почти три десятилетия в ООН продолжалась «Борьба за мир». Во многих странах организовывались «Комитеты по защите мира», однако гонку вооружений не удалось остановить. Появилось информационное оружие. Страны Запада, используя трибуну ООН и мощные СМИ с Интернетом, принялись разрушать образ России – победительницы – фашизма. После распада СССР обнаглевшие западные политики и доморощенные прозападные «либералы» методично принялись истирать из исторической памяти людей сам факт участия советских войск в победных сражениях Второй мировой. Поредевшие голоса объективных историков едва слышны в Атлантическом вале лжи. Америка объявлена победительницей не только в войне 1939 – 1945 гг., но и во всех войнах, случавшихся позже. А на Тихом Океане, на Японских островах, старшекласникам японских школ уже вбили в головы «страшную правду»: это огромный Советский Союз сбросил на маленькую Японию атомные бомбы, а не красивые звездные Соединенные Штаты Америки. Завеса Большой Лжи вокруг современной России становится более плотной, чем она была в прошлом столетии. Непредвзятому читателю этой книги напомним о недавних военных событиях прошлого.

Как и в Первой мировой, Россия оказалась неподготовленной, хотя и к ожидаемой, Второй мировой войне. Германцы, накопив на наших границах сотни дивизий, на рассвете теплого июньского дня разом ударили авиацией, танками, моторизованной пехотой. Этот внезапный удар поверг в шок советское правительство. Главные удары потомки воинственных тевтонов нанесли по всей западной границе СССР от Балтики и до Черного моря. Удары были мощными и неожиданными. Приграничная авиация была уничтожена на земле, а у танков из-за неисправностей не заводились моторы. Временное сопротивление врагу смогли только оказать хорошо вышколенные пограничники и бдительные войска НКВД. Однако, задержать натиск германских армий не смогли даже сталинские укрепрайоны, спешно построенные по большим и малым рекам Бессарабии и Украины. Немцы стремительно вышли к берегам Днепра. В конце сентября пал Киев, а в октябре 1941-го был осажден Севастополь. Ленинград оказался в блокаде с первых дней войны. Остановить немцев нам удалось только в декабре под Москвой. Весь 1942 – ой – это неосуществленная надежда на второй фронт и отступление Красной армии к Волжским рубежам. Благо, было куда отступать. Наши природные условия это позволяли.

Случилось самое страшное, что может случиться в противоборстве государств. Правительство СССР на продолжительное время потеряло управление войсками. Выигрыш сражения под Москвой в целом не поднял дух всенародного сопротивления. Наши армии продолжали отступать на восток. Немецкие танки оказались на Кавказе. И только в январе 1943 на

замерзших берегах Волги, под Сталинградом и частично на Кавказе удалось переломить ход боевых действий в свою пользу.

Февраль 1943-го. В стенах и под стенами Сталинграда были окружены, разбиты и захвачены в плен многотысячные гитлеровские армии. Народы России вместе с европейцами и исторически грамотными американцами отмечают славную годовщину февраля 1943-го, воздавая должное мужеству и стойкости русских солдат. Голливуд к этой дате по заказу американских ястребов, выпустил «кинокомедию» про смерть Сталина. В слепой ненависти к России невежественные создатели пропагандистской утки не заметили нелепого несоответствия жанра названию фильма. Комедия о смерти – это по-хеллуиновски как-то жутковато, не до смеха... Кинорежиссер Н. С. Михалков в своем «Бесогоне» показал отдельные «комедийные» сюжеты этой "американской инфобомбы". Советского вождя Иосифа Сталина, выигравшего войну у недочеловека Гитлера (заморившего в газовых камерах миллионы людей), изображают умирающим в луже экскрементов. Русские полководцы с дьявольской усмешкой расстреливают своих солдат. Какие-то дипломаты – идиоты с хохочущими рожами обмениваются циничными фразами. Фильм рассчитан на интернетно – примитивную невежественную часть нашей молодежи с целью вызвать нелюбовь к своей стране, к ее прошлому. Мы не должны позволять такого оскорбления в адрес наших вождей. Наша память о погибших в той войне солдатах и гражданах священна. Будем надеяться, что компетентные органы передадут дело в международный суд. На худой конец, наши маститые сценаристы и кинорежиссеры, возможно, решатся и создадут ролик на американских президентов в стиле Кукрыниксов. Трумэна покажем нечистой силой с рогами, копытами и хвостом. В одной когтистой лапе – полосатый флаг, а другая лапа раскручивает атомную бомбу в сторону Азии с японскими островами. Буша младшего изобразим с бутылкой виски, стоящего на коленях, покрытого красной тряпкой, а над ним могучий человек в черной маске с ножом, приставленным к глотке Джорджа. Око за око. Зуб за зуб.

Невежде Трампу и его «просвещенной» команде, заявляющим, что США победили Гитлера, напомним некоторые общеизвестные исторические события. Фашисты Германии и Италии помогли фашисту Франко при тайной поддержке США и Англии победить молодую и неопытную испанскую демократию. Международный Интернационал, воевавший на стороне испанских демократов, проиграл. В Испании Гитлер, Франко и мировой фашизм одолели Интернационал и Сталина.

Тайный договор августа 1939-го года о военном «содружестве» между Германией и СССР был вынужденным для Сталина. После безуспешных попыток создать антигитлеровскую коалицию с западными странами Сталин пошел на сделку с Гитлером. Оскорбленные несправедливостью Версальского договора, арийские стратеги, мнившие себя наследниками «Великого Рима», решили стать гегемонами над европейцами, англичанами и американцами вместе взятыми. С помощью союзников, как это делал Рим в древней истории. Покорив большую часть Европы, Гитлер, убедил американских и английских политиков в том, что его поход на Восток, на территорию СССР, направлен против «большевистской заразы». Этим он убедил Запад придерживаться нейтралитета. И Запад некоторое время оставался нейтральным, наблюдая «чья возьмет». После того, как Сталин оказался один на один с экономической мощью Германии и ее европейских союзников, он понял, что СССР необходимыми ресурсами для ведения современной войны не располагает. Пришлось срочно разрабатывать стратегические планы борьбы с немецким милитаризмом.

Местом нанесения упреждающего удара по гитлеровской коалиции стратеги Сталина определили нефтеносные районы Румынии. Им казалось правильным лишить топлива бензиновые двигатели превосходных немецких военных машин. Большинство наших военачальников заверяли Сталина о несокрушимости Красной Армии и надежной защите границ СССР. Однако, благодаря разветвленной разведке, гитлеровские стратеги были лучше осведомлены и

о планах своих восточных соседей, и о силе их армий. Гитлеру удалось усыпить бдительность и советской разведки и самого Сталина. Оккупировав Донбасс, немцы создали плацдарм для захвата Бакинской нефти. Но сначала надо было сокрушить советские армии, защищавшие Сталинград.

Победа в Сталинградской битве досталась дорогой ценой. Роль советской разведки в общей Победе высока. Обратимся к немецким источникам. В книге Юлиуса Мадера «Абвер: щит и меч третьего рейха», изданной в начале семидесятых, читаем о том, что собой представлял Абвер.

«Диверсанты Управления военной разведки и контрразведки (Абвера) сражались на фронтах трех континентов. Спецподразделения формировались из отборных солдат, обученных сражаться там и в таких условиях, где до них никто не воевал или не мог больше воевать. Питомцы Канариса действовали решительно и беспощадно, не рассчитывая на то, что их самих кто-нибудь пощадит. Поправ все писанные и неписанные международные законы, правила и нормы ведения войны, они переходили линию фронта в военной форме противника или проводили диверсионно-разведывательные операции во вражеском тылу, выдавая себя за сотрудников Красного Креста, беженцев, раненых, норвежских рыбаков и французских крестьян. Они взрывали мосты и захватывали переправы, удерживая их до прихода главных сил. Они минировали дороги и перерезали вражеские коммуникации. До прихода Канариса в разведку так германские солдаты не воевали...» (Но так воевали советские партизаны, да будет Трампу и его правительству это известно!).

Мадер приводит несколько неординарных мыслей из политического завещания фашистского генерала Йодля, начальника оперативного отдела ОКВ: «... Все время надо иметь перед глазами перспективу на будущее: наши грядущие возможности базируются на неизбежных противоречиях между Востоком и Западом...»

...Придет момент, когда мы сравним русских и англо-американцев..." (Уже сравнили еще в 1917-ом, а с 1954-го воюем по всему миру!).

...Нельзя пренебрегать немцами и Германией, расположенной в центре Европы. Всем известно, что без нас европейская проблема не может быть решена». (А как без нас, русских?!).

В конце своей книги Ю. Мадер приводит хронологию диверсионно – разведывательных операций Абвера с 1933-го по 1944-й гг. Операции охватывают чуть ли не все страны на всех континентах. И вот Сталинградский фронт – с октября 1942-го по сентябрь 1943-го. Читаем: «Абверкоманда 104» забрасывает в глубокий тыл Красной Армии около 150 разведгрупп, от 3 до 10 агентов в каждой. Через линию фронта возвращаются только две!».

Что означает этот восклицательный знак? Недоумение? Отсутствие своевременной информации? Ответ мы находим в следующих записях, сделанных в начале 1943-го года: «На восточном фронте действуют около 130 диверсионно-разведывательных опорных пунктов, 60 разведшкол и учебно-тренировочных лагерей Управления Аусланд (Абвер) ОКВ.

За линию фронта заброшены 19 разведывательных групп Абвера (115 агентов). Контрразведка «Смерш» и органы НКВД арестовывают 15 развед групп непосредственно в момент высадки».

У германцев был Канарис, а у нас – Берия с Судоплатовым. Именно они отвечали за разведку, контрразведку и диверсионные операции в тылу у немцев. Летом и осенью 1941-го года было заброшено несколько групп парашютистов. Многих из них по неопытности немцы выловили. Но военное счастье улыбнулось и нам. В районе Винницы в плен попала немецкая команда «Абверштелле Украина 202». Это была абверовская школа на колесах. Сто двадцать членов команды и их машины-лаборатории были погружены на железнодорожный состав возле Умани и доставлены в Москву. Эти события случились где-то в июле 1941-го года. П. А. Судоплатов предложил Сталину создать свой советский дубль этой команды и отправить ее обратно немцам. Возникла проблема в кадрах и их подготовке. За подготовкой следил сам Сталин. В

мае 1942-го года команда «вписалась» в немецкую армию в период проведения Барвенковской наступательной операции. Сама военная операция особого успеха не имела, но «дублеры – энкаведисты» немецкой команды стали действовать на Сталинградском фронте, как «настоящие» абверовцы.

Теперь обратимся к нашим советским документам. В пятом томе 12-томной истории 2-ой мировой войны на странице 192 представлена фотография членов Сталинградского городского комитета обороны. Среди них Воронин Александр Иванович – начальник Управления НКВД на Сталинградском фронте. Это он и его оперативники вылавливали абверовских парашютистов. Центр точно информировал Воронина о том, где, в каком районе будут выброшены вражеские диверсанты. Шифровки от наших «абверовцев» шли в Центр, а оттуда – в Сталинград Воронину. Как нашли и как обучали советского командира этой подставной абверкоманды, читайте далее в этой книге.

Подготовка и все последующие действия команды курировались опытными специалистами. Непосредственно шеф внешней разведки Павел Анатольевич Судоплатов регулярно докладывал Сталину о работе команды. 1 мая 1942 года Сталин лично напутствовал команду в Георгиевском зале Кремля.

Повествование о событиях не такого уж далекого прошлого идет от первого лица, командира подставной абверкоманды Шепеленко Александра Дмитриевича. Его правительственные награды заслуживают уважения, а его решимость и смелость в описываемых им операциях вызывают восхищение.

Награды за Испанию: Орден Ленина, Орден Красной Звезды, медаль «За храбрость»; за Халхин-Гол: Орден Красной Звезды, медаль «За отвагу»;

Награды ВОВ: Ордена – Ленина, Красной Звезды, Отечественной Войны 1-й и 11-й степеней; французский орден Почетного легиона.

Керчь, февраль 2020 В. Гринев

Фронтovým разведчикам
Великой Отечественной
Войны посвящается

ОЦЕНКА НЕМЕЦКИМ ГЕНШТАБОМ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ЮГЕ

Шла вторая неделя войны. В составе войск НКВД, выполнявших роль передовых заградительных отрядов, мне пришлось участвовать в качестве командира подразделения по борьбе с мародерами. Потом под командованием подполковника Голубева я участвовал в напряженной работе по осуществлению плана срочной мобилизации населения. В этот период основные войсковые части отходили в сторону Одессы. Одесса и Севастополь подвергались непрерывным воздушным налетам.

Чтобы полнее представить читателю стратегическую роль мостов и общую картину первых дней войны на юге Украины, чьи и какие армии перешли нашу границу, мне придется обратиться к дневниковым записям генерала – полковника Франца Гальдера, – начальника генштаба сухопутных войск Германии.

«22. 06. 1941 г. Воскресенье, первый день войны. Утренние сводки сообщают, что все армии, кроме 11-й (на правом фланге группы армий “Юг” в Румынии), перешли в наступление согласно плану. Основные военные события в первый день войны развернулись в приграничных районах от Балтийского моря до Карпат, где наступали группы армий “Север.” Южнее, до Черного моря, с территории Венгрии и Румынии военные действия начали силы группы армий “Юг”, в состав которых входили: 11-я немецкая армия (7 пехотных дивизий), 3-я и 4-я румынские армии (13 пехотных дивизий и 9 бригад) и 8-й венгерский корпус (4 бригады). Главной

задачей группы «Юг» являлось, наряду с активными действиями против Красной армии, прикрытие нефтеносной румынской территории. В случае успеха группы «Юг» необходимо было во взаимодействии с авиацией воспрепятствовать организованному отходу Советских войск за Днестр. Поэтому в первые дни войны интенсивной бомбежке подверглись все переправы через большие и малые бассейны Днестра.

Наступление наших войск, по-видимому, явилось для противника на всем фронте полной тактической внезапностью. Пограничные мосты через Буг и другие реки были захвачены нашими войсками без боя и в полной сохранности. О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох в казарменном расположении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать...

Командование ВВС сообщило, что наши военно-воздушные силы уничтожили восемьсот самолетов противника. Нашей авиации удалось без потерь заминировать подходы к Ленинграду с моря. Немецкие потери составляют до сих пор десять самолетов. Командование группы армий «Юг» доложило, что наши патрули, не встретив сопротивления, переправились через Прут между Галацем и Хуши и между Хуши и Яссами. Мосты были в наших руках. Представляется, что из-за своей неповоротливости русское командование в ближайшее время вообще не в состоянии организовать оперативное противодействие нашему наступлению».

«23. 06. 41 г. Понедельник, второй день войны. Более трудной я считаю обстановку на фронте группы армий «Юг», так как отказ от первоначально запланированной операции из Румынии не дал взамен никаких выгодных оперативных возможностей. Командованию группы «Юг» будет указано нащупать слабое место противника и ударить по нему танковым клином. В настоящий момент таким слабым местом представляется участок в районе автострады (Броды-Ровно-Житомир) севернее Тернополя (центральный участок танковой группы Клейста).

...На юге русские атаквали. В Румынии наши плацдармы на реке Прут произвели ряд разведывательных поисков из района Черновиц против румынской кавалерии»

«24. 06. 41 г. Вторник, третий день войны. Войска группы армий «Юг», отражая сильные контратаки противника (особенно сильные на фронте 4-го армейского корпуса северо-западнее Львова), успешно продвигаются вперед. 17-я армия своим правым флангом достигла возвышенности в районе Мостиска. Танковая группа Клейста, имея теперь в первом эшелоне четыре танковые дивизии, вышла к реке Стрый.

...Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали сами себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен...

...Фюрер ни в коем случае не хочет допустить в Крым итальянцев, корпус которых перебрасывается в Румынию.

06. 41 г. Среда, четвертый день войны. На фронте группы армий «Юг» противник подтягивает свежие силы с востока по железной дороге на Ковель и перебрасывает моторизованные части по шоссе на Ровно. Создается впечатление, что противник подтягивает свежие силы с запада и юга против продвигающегося с тяжелыми боями на восток 4-го армейского корпуса, видимо, с целью поддержки своих разбитых соединений и создания нового фронта обороны на линии Самбор, Львов, Дубно. Необходимо отметить, что командование этого участка фронта переместилось в Тернополь».

«26. 06. 41 г. Четверг, пятый день войны. Группа армий «Юг» медленно продвигается вперед, к сожалению, неся значительные потери. У противника, действующего против группы «Юг», отмечается твердое и энергичное руководство. Резервы противника перебрасываются по железной дороге на Ковель против нашего северного фланга, хотя этот участок вряд ли приобретает серьезное значение. Зато южный фланг в настоящее время все еще остается чувствительным местом, ввиду того что переброска пехотных дивизий для прикрытия этого фланга невозможна из-за свободных сил. (Будем уповать на Бога)...

...Румыния. Румынские войска предприняли атаку местного значения и наводят мост через северный рукав дельты Дуная. Наша авиация совершила налет на Одессу, причем наши истребители нанесли противнику тяжелые потери».

«27. 06. 41 г. Пятница, шестой день войны. Группе армий “Юг” удалось не только отбить все атаки противника на южный фланг танковой группы Клейста, но даже продвинуться вперед в юго-восточном направлении...

...Русские соединения, атаковавшие южный фланг группы “Юг”, видимо, были собраны наскоро. Житомирская группа противника, очевидно, атаковала танковую группу Клейста с фронта, а подвижная черновицкая группа пыталась смять ее южный фланг. Русская тираспольская подвижная группа, отведенная несколько дней назад из Южной Бессарабии, перебрасывается по железной дороге на северо-запад. Очевидно, в ближайшее время она появится перед правым крылом танковой группы Клейста и будет брошена в бой в качестве последнего резерва. Тогда все силы, которые русское командование на Украине (следует отдать должное, оно действует хорошо и энергично) может противопоставить группе армий “Юг”, будут разбиты. Мы получим возможность повернуть на юг, чтобы вынудить части противника, удерживающие район Львов-Станислав, вести бой с перевернутым фронтом. По времени это будет как раз к тому моменту, когда румынская ударная группа будет готова начать наступление навстречу группе “Юг”.

«28. 06. 41 г. Суббота, седьмой день войны. На фронте группы армий “Юг” создается впечатление, что противник предпринял лишь частичный отход с упорными боями за каждый рубеж, а не крупный отход оперативного или стратегического масштаба. Правда, наряду с этим наблюдается интенсивное движение по железной дороге от Житомира на Киев, причина которого пока не ясна...

...В полосе группы “Юг” восьмой русский танковый корпус наступает от Брод на Дубно в тыл нашим 11-й и 16-й танковым дивизиям. Надо надеяться, что тем самым он идет навстречу своей гибели...

...Видимо, противник пытается организовать сопротивление на известной нам линии укреплений Новоград – Волынский, Проскуров, Днестр. Однако, отходя на этот рубеж медленно и с контратаками, он расходует в них большое количество сил. Части 17-й армии находятся непосредственно перед Львовом. Клейст с боем занял Ровно”.

«05. 07. 41 г. Суббота, четырнадцатый день войны. На фронте группы армий “Юг” в Южной Украине очень плохое состояние дорог в результате грозных дождей, а отсюда – медленный темп наступления. На фронте 17-й и 6-й армий войска потеряли соприкосновение с противником. Происходит беспорядочный отход противника, местами наблюдается скопление нескольких колонн на одном шоссе... Наблюдается массовый отход войск, в колонны которых вклиниваются толпы беженцев, зенитная артиллерия противника прикрывает в основном тыловой оборонительный рубеж западнее Киева, а истребители противника – район Киева”.

«06. 07. 41 г. Воскресенье, пятнадцатый день войны. Начальник штаба группы армий “Юг” Зоденштерн доложил, что план командования группы “Юг” состоит в следующем: 3-й моторизованный корпус должен наступать на Киев с целью создания здесь плацдарма на левом берегу Днепра, а остальные соединения первой танковой группы после прорыва обороны противника в районе Бердичева должны нанести удар через Белую Церковь западнее Днепра в общем направлении на Кировоград, в то время как крупные силы после прорыва у Бердичева будут наступать в юго-восточном направлении с целью установить тактическое взаимодействие с 11-й армией и окружить действующую здесь группировку противника...

...Русская тактика наступления: трехминутный огневой налет, потом – пауза, после чего – атака пехоты с криками “ура” глубоко эшелонированными боевыми порядками (до 12 волн) без поддержки огнем тяжелого орудия, даже в тех случаях, когда атаки производятся с дальних дистанций. Отсюда невероятно большие потери русских...

... В Румынии отмечается неожиданный поворот к оптимизму. 11-я армия продвигается вперед и выдвигает передовые отряды к Днестру в полосе наступления. Командование армии намеревается внезапным налетом овладеть мостом у Могилева-Подольского. 30-й армейский корпус должен продолжать свои атаки. Четвертая румынская повернет южнее Днестра на восток”.

«07.07.41 г. Понедельник, 16-й день войны. Оптимистическое настроение у командования 11-й армии сменилось разочарованием. Наступление опять задерживается. Причины этого не ясны. 17-я армия успешно продвигается, впереди сосредотачивает свои передовые отряды для удара в направлении Проскурова. Входящий в состав 17-й армии моторизованный корпус Виттерсгейма слишком сильно растянул фронт, наступая на юг...

... 11-я армия форсировала Днестр в районе Могилева – Подольского (железнодорожный мост приспособлен для переправы людей и техники)... В 17-00 донесение о том, что 11-я танковая дивизия достигла Бердичева. Это очень большой успех... 19-00 – обсуждение с Хойзингером вопросов о том, как использовать прорыв на Бердичев.

Противник выбил наши войска с плацдарма на Днестре, захваченного 11-й армией (там находилась лишь часть полка ”Бранденбург”)

«10.07.41 г. Четверг, 19-й день войны. 00.13 – Главком вызвал меня по телефону. Фюрер еще раз связался с ним и высказал крайнюю озабоченность тем, что танковые дивизии будут направлены на Киев и понесут бесполезные потери (в Киеве 35 % населения – евреи; мосты нам не удастся захватить).

Кольцо окружения противника должно пройти от Бердичева через Винницу и далее до полосы 11-й армии. На основании этого указания группе армий ”Юг” было приказано: фюрер не хочет, чтобы танковые дивизии продвигались на Киев. В виде исключения, это можно делать только с целью разведки и охранения. Далее он желает, чтобы силы 1-й танковой группы были направлены от Бердичева на Винницу для окружения противника. Остальные соединения 1-й танковой группы (те, которые не требуются или не могут быть использованы для наступления на Винницу) следует направить на Белую Церковь, а оттуда на юг. 11-00. Главком группы армий ”Юг” связался со мною и сообщил, что сегодня рано утром он получил следующую телефонограмму фюрера: «Я считаю правильным и необходимым немедленно повернуть на юг передовые соединения 1-й танковой группы по достижении ими рубежа Житомир, Бердичев, чтобы отрезать противнику пути отхода в районе Винницы и южнее Буга, и если позволит обстановка, ударом через Буг установить связь с 11-й армией».

Второй эшелон 1-й танковой группы должен составить заслон против Киева, избегая при этом штурма города. Если окажется невозможным окружить сколько-нибудь значительную группировку противника западнее Буга, то следует сосредоточить силы 1-й танковой группы и направить их к Днепру юго-восточнее Киева, для окружения города. При этом следует обеспечить прочное блокирование Киева, чтобы не допустить прорыва в город каких-либо частей противника с северо-запада».

Из этих дневниковых сводок Гальдера видно, как молниеносно менялась военная обстановка на Украине и в районе Одессы, как отчаянно дрались наши отцы, деды и прадеды! Меня вместе с опер группой начальство решило перебросить в Николаев.

ПУТЬ В МОСКВУ

Из Одессы в Николаев наше подразделение выехало темным вечером. Южный теплый ветер и небо, усыпанное звездами, отодвигали реальности войны далеко за горизонт. Машины ехали с потушенными фарами. В кузове передней машины шел негромкий разговор. Настроение было минорно-лиричным, и кое-кто даже пытался негромко петь. Его не поддержали, и песня постепенно стихла. Некоторые от усталости заснули. Я тоже задремал, но очнулся от сильного толчка, от которого чуть не вылетел из машины. Спас брезентовый тент. Машина остановилась, накренившись под опасным углом. Послышалась ругань водителя. Двигавшиеся

за нами машины приблизились вплотную и тоже остановились. Бойцы повыскакивали с кузова нашей машины и увидели, что левое переднее колесо въехало в огромную воронку, которая могла поглотить всю машину. Бойцы из других автомобилей помогли вытащить наш транспорт из воронки. Обнаружилось, что погнулась ось правого колеса. Несколько человек вместе с подполковником Голубевым, у которого имелся карманный фонарик, пошли вперед для осмотра дороги. Оказалось, что впереди вся дорога изрыта воронками. Голубев дал указание водителям двигаться с малой скоростью с ближним светом фар и увеличить дистанцию между машинами. По обочинам дороги шли бойцы, которые наблюдали и слушали небо, чтобы вовремя предупредить налет вражеской авиации. К рассвету мы добрались до Николаева. Голубев распределил прибывших энкаведистов по районам города для охраны стратегических объектов.

Сразу же по прибытию в Николаев меня вызвали в областное управление госбезопасности. Открыв дверь в кабинет начальника управления, я увидел пять человек, старших офицеров, в числе которых был и Голубев. Так же среди них сидел пожилой мужчина в штатском, а за отдельным столом сидела светловолосая девушка. После моего доклада первым ко мне обратился полковник и предложил рассказать подробнее об операции по высадке десанта на румынский берег Дуная. Он также попросил детально ознакомить присутствующих о результатах допросов немецких и румынских офицеров. Начав свой рассказ, я обратил внимание, что девушка быстро стенографирует мою речь. Я доложил о том, что допрашиваемые офицеры получили приказ о захвате плацдарма на советском берегу Дуная, и о том, что румынская армия должна была совершить бросок вглубь советской территории. Однако из допросов я понял, что мобилизационные мероприятия в Румынии на тот момент развивались вяло, несмотря на большое количество немецких военных советников.

Голубев попросил уточнить, какую информацию я получил от пленного немецкого офицера. Я рассказал об обстоятельствах допроса обер-лейтенанта Кунтца и о том, что от него ничего не удалось добиться, так как при попытке к бегству он был застрелен. Когда один из старших офицеров начал меня дотошно расспрашивать, как же я упустил немца, мне показалось, что это допрос. Я стал бояться, что меня начнут обвинять в том, что я своими вопросами и ненадлежащей охраной спровоцировал немца на побег, и тем самым не получилось основательно его допросить. А это саботаж, да еще и в военное время! Мои ответы стали сбивчивыми. Меня выручил человек в штатском. Он с улыбкой обратился ко мне и попросил рассказать о том, как я захватил командира парашютистов Гирю. Мне удалось овладеть собой, и я рассказал и о Гире, и о захвате диверсантов на мельнице в Арцизе.

Сидевший рядом с Голубевым полковник спросил, где я так хорошо выучился немецкому языку. Я ответил, что в детстве ходил в немецкую церковно – приходскую школу и что имел практику допросов немецких офицеров – советников в Испании.

Молчавший до сих пор майор обратился ко мне с вопросом:

– На переправе возле Татарбунар, когда Ваши бойцы расстреливали диверсантов, был риск попасть в своих граждан?! (Странный был вопрос. Риск всегда и везде есть попасть в своего, когда у людей в руках оружие).

– Риск был рассчитан. Но я не мог стрелять в убегающего Гирю, так как он быстро спрятался в толпе. В остальных случаях я и мысли не допускал о промахе. Я имею значок «Ворошиловский стрелок» первой степени, – похвастался я.

– А где Вы научились метко стрелять?

– Я занимался в спортивной секции. Когда был в командировке в Монголии, у нас оказалось много трофейного японского оружия. Было достаточно времени для практики.

Полковник, сидевший рядом с Голубевым, о чем-то переговорил с ним и строго обратился ко мне:

– Вы, товарищ старший лейтенант, пока свободны. Идите, отдыхайте! Когда понадобится, мы Вас вызовем.

Я откозырял и вышел из кабинета. Меня мучила неизвестность. Я так и не понял, для чего мне устроили такой подробный допрос. Ведь я описал все в своих отчетах. Опасение на счет упущенного немецкого офицера меня не покидало.

В управление госбезопасности я был вызван на следующее утро. В кабинете начальника управления было только двое – человек в штатском и подполковник Голубев, который сразу же обратился ко мне:

– Вам, товарищ старший лейтенант, срочно надо собираться в Москву. Проездные документы получите у секретаря.

В канцелярии секретарь управления вручил мне документы, указал, где я могу получить продукты в дорогу и по карте обозначил наиболее безопасный маршрут следования: через Запорожье и Ворошилов град на войсковых эшелонах, а далее через Воронеж и Рязань на Москву. Секретарь мне сказал, что меня опять ждет начальник управления, причем немедленно. В кабинете начальника я уже увидел всех, с кем встречался вчера. Они изучали большую карту, разложенную на длинном столе. Первым ко мне подошел полковник – начальник управления. Он подал мне руку, крепко пожал и, не выпуская моей руки, продолжил:

– Мы отправляем Вас на большую и ответственную работу. Надеюсь, не подведете. Будьте бдительны, осторожны и находчивы. Счастливого пути и удачи!

Вторым ко мне подошел подполковник Голубев. Он обнял меня за плечи и произнес:

– Молодец! Жаль, мы мало с тобой поработали.

Последним со мной попрощался человек в штатском (я сначала думал, что это военный прокурор). Он положил правую руку на мое плечо и, пристально заглядывая в глаза, произнес:

– Никогда не забывайте пламенных слов Феликса Эдмундовича Дзержинского: «...работать с горячим сердцем, но с холодной головой». Впереди у Вас большой, тернистый путь. Успех Вашей будущей работы будет зависеть не только от Вашей творческой решительности, но и от разумной выдержки. Как у нас говорят – семь раз отмерь, а один раз отрежь. Вы будете отвечать не только за себя, но и за людей.

Я ничего не понимал, тем более, что ожидал обвинений, а тут меня нахваливают и намекают на какую-то секретную работу. Я осознал, что в моей жизни что-то круто изменилось. На протяжении всей жизни я не раз прокручивал в памяти те сцены, изменившие мое существование.

Едва я выехал из Николаева в середине августа, как к городу вплотную подошли немецкие войска. Картина была неприглядной. Вот рассказ летчика Василия Борисовича Емельяненко (1912 – 2008) о том, что происходило вокруг Николаева и в целом на юге Украины:

«...Войска Южного фронта с тяжелыми боями откатывались на восток. В первых числах августа немецко – румынские войска развернули бои под Одессой. 17 августа наши части вынуждены были оставить Николаев. В Крыму по решению ставки от 14 августа начала спешно формироваться 51-я отдельная армия. Тысячи женщин и подростков рыли траншеи и блиндажи на Перекопском перешейке.

31 августа вернулись с задания наши самолеты – разведчики. Экипажи доложили, что у Каховки и Берислава через Днепр переправляются части противника, а на восточном берегу своих войск не обнаружено. Данные разведки передали в общевойсковой штаб, а там решили, что это летчикам померещилось. «Быть такого не может, чтобы части 9-й армии Южного фронта, – наши соседи, – без боя оставили такой важный рубеж, открывающий путь в Крым. Пошлите для контрольной разведки лучшие экипажи...»

Полетели еще два экипажа, «самые лучшие», но только один из них возвратился, и то с дымным следом. Перетянул кое-как через Сиваш, плюхнулся на брюхо, недалеко от Ишуни. Подбежавшие пехотинцы вытащили из самолета стрелка – радиста с перебитыми ногами и тяжело раненого штурмана. Широкоплечий пилот в окровавленной гимнастерке сидел с поник-

шей головой, обвиснув на привязных ремнях. Затем он очнулся, посмотрел на военных, зло сказал:

– Противник на понтонах у Каховки переправляется, «мессера» над Днестром висят...

...В тот день, когда в Карасубазаре проводилось совещание и обсуждался вопрос о закладке баз, 9-я армия Южного фронта под ударами противника отошла за Перекоп, и Крымский полуостров оказался отрезанным от материка врагом.

25 октября после мощной авиационной и артиллерийской подготовки вражеские части прорвали Ишуньские позиции и лавиной хлынули вглубь Крымского полуострова. Эвакуированная морем из осажденной Одессы Отдельная Приморская армия генерала И. Е. Петрова начала отход через горы в Севастополь, а 51-я Отдельная армия – к Керчи. 31 октября «юнкерсы» с малой высоты бомбили запруженные улицы Симферополя, к вечеру в город ворвались немецкие танки и устремились по Алуштинскому шоссе к Черному морю.

В горах зарядил холодный дождь, порывистый ветер тревожно шумел в кронах вековых буков и грабов, срывая пожелтевшую листву. По крутым, осклизлым горным тропам гуськом брели партизаны, продираясь через густые заросли кизила. У некоторых за плечами закинута длинноствольные японские и бельгийские винтовки, с давних пор лежавшие на складах».

Описанная известным летчиком картина стоит до сих пор у меня перед глазами, а сцена моего спешного отъезда из Николаева во всех подробностях запечатлелась до конца войны. Вхожу в кабинет начальника Николаевского управления НКВД. Там находятся: подполковник Голубев – мой непосредственный начальник, и незнакомые мне – полковник, майор и седой младожавый мужчина в штатском. В углу кабинета устроилась миловидная машинистка в форме младшего лейтенанта. Подробности этого совещания запечатлелись у меня буквально в лицах, как сценка из телесериала. Вхожу в кабинет и докладываю:

– Товарищ, генерал госбезопасности! Старший лейтенант Шепеленко явился по Вашему приказанию!

Г е н е р а л. Присаживайтесь, пожалуйста, (показывает на единственный пустой стул за большим столом, а напротив трое незнакомцев).

Г о л у б е в. Товарищ старший лейтенант, доложите комиссии о своем участии в десантировании на румынский берег. Комиссию также интересует результаты ваших допросов румынских офицеров.

Ш е п е л е н к о. Мне было поручено с опер группой нейтрализовать часовых румынской погранзаставы в районе Килии. Затем на катерах высадился основной десант. Пленных румынских офицеров мы сразу переправили на свой берег Дуная. Я успел допросить румынского артиллерийского полковника, часть которого должна была захватить плацдарм на нашем берегу. Но их корабли еще не успели подойти.

Г е н е р а л. Потому, что наши корабли заблокировали румын в самой Констанце. Продолжайте, товарищ старший лейтенант!

Ш е п е л е н к о. (Смотрит, как печатает машинистка). Этот румынский полковник сообщил, что их армия слишком медленно провела мобилизацию. Призывников оказалось много непригодных.

М а й о р. Эти сведения подтвердили другие офицеры, которых вы допрашивали?

Ш е п е л е н к о. Я допрашивал только полковника.

Г о л у б е в. Расскажите о допросе немецкого советника.

Ш е п е л е н к о. Немецкий советник, наглый и буйный старший лейтенант Кунтц, на мои вопросы не отвечал. Он был застрелен при попытке к бегству.

М а й о р. Застрелив Кунтца, вы лишили нашу контрразведку ценных сведений. Потеряли бдительность! Почему окно в кабинете было открыто?

Ш е п е л е н к о. (Волнуясь). Не смогли сразу предвидеть его поведение, товарищ майор. Окно открыли потому, что было душно. И немец нагло плюнул мне в лицо!

М а й о р. Надо было в морду дать, но не убивать.

П о л к о в н и к. Вы с Кунтцем общались на немецком? Где вы овладели языком?

Ш е п е л е н к о. Я рос в поселке Кичкас, где было много немецких колонистов. Приходилось допрашивать немецких офицеров в Испании. Те были спокойными и вежливыми.

Члены комиссии смеются.

Г е н е р а л. Что вы делали в Испании?

Ш е п е л е н к о. Часть нашего Бакинского авиаполка была отправлена в Испанию на помощь республиканцам.

Г е н е р а л. Вы, военный летчик?

Ш е п е л е н к о. Да, я закончил Качинское летное училище. Летал на И-16. После Испании бомбил японцев на Халхин-Голе.

М у ж ч и н а в штатском. Как вам удалось захватить командира парашютного немецкого десанта?

Ш е п е л е н к о. По случайному совпадению командир диверсантов Гиря принял меня за командира их отряда Голуба. Здесь можно сказать нам повезло.

М у ж ч и н а в штатском. А если бы этот Гиря опознал вас? Что могло произойти?

Ш е п е л е н к о. Вероятно, были бы жертвы. Как в моей группе, так и среди гражданских, которые были на переправе. Но, к счастью, этого не произошло. Сработала наша внезапность.

М а й о р. Когда ваши оперативники стреляли по диверсантам из толпы, – они же могли подстрелить своих! Вы рисковали, вы понимаете это?

Ш е п е л е н к о. Риск был рассчитан. Жаль я не мог стрелять в убежавшего командира диверсантов.

М а й о р. Вас обучали стрельбе?

Ш е п е л е н к о. Я занимался в спортивной секции. Имею значок «Ворошиловский стрелок». На Халхин-Голе у нас было много трофейных пистолетов и патронов.

Голубев и полковник переглянулись.

П о л к о в н и к. Все, товарищ старший лейтенант, вопросов у комиссии больше нет. Идите в приемную, мы вас вызовем.

Ш е п е л е н к о. Слушаюсь, товарищ полковник. (Выходит из кабинета).

П о л к о в н и к. Ну, что товарищи, кандидатура подходящая?

Г е н е р а л. (Обводя взглядом членов комиссии). Все согласны!

П о л к о в н и к. Редкий экземпляр! Знает немецкий, не теряется в сложной обстановке, смел, решителен. Я думаю, товарищи, начальство одобрит нашу кандидатуру. Надо срочно отправлять его в Москву.

Г е н е р а л. (К машинистке) Верочка, пригласите старшего лейтенанта.

Ш е п е л е н к о. (Закрывая дверь смотрит в след удаляющейся Верочке).

Г е н е р а л. Поздравляю, товарищ старший лейтенант! Вы направляетесь в Москву на большую и ответственную работу. Надеюсь, оправдаете высокое доверие Родины. (Жмет руку Шепеленко и подходит к телефону).

П о л к о в н и к. Как вы считаете, товарищ старший лейтенант, какие качества должны проявить наши воины, чтобы противостоять немцам?

Ш е п е л е н к о. Необходима бдительность и преданность Родине. Каждый, где бы он ни был, должен бить врага до полного уничтожения.

П о л к о в н и к. Правильно думаете! Но, чекисту еще нужно действовать с горячим сердцем и холодной головой, как завещал Феликс Эдмундович Дзержинский.

(Подходит подполковник Голубев и обнимает недоумевающего Шепеленко).

Г о л у б е в. Молодец, Шепеленко! Жаль мы недолго с тобой поработали. Подойдем к карте, надо определиться с маршрутом.

(Подходят к настенной карте, к ним присоединяются другие члены комиссии).

М а й о р. Кратчайший путь до Москвы через Харьков опасен.

М у ж ч и н а в штатском. Под Харьковом уже идут бои.

Г о л у б е в. Военная ситуация быстро меняется. Безопаснее ехать через Мелитополь, дальше на Ростов.

Ш е п е л е н к о. (К Голубеву) Товарищ подполковник! Меня направляют в тыл к немцам?

Г о л у б е в. Точно не знаю. Приедешь в Москву, там все объяснят.

Г е н е р а л. Документы, наверное, уже готовы. Не будем задерживать нашего кандидата! (Пожимая руку Шепеленко), удачи, сынок!

Пока я добирался из Одесской области до Николаева, вероятно, в Кремле состоялась не менее важная для меня сцена.

Титры: Июль 1941 г. Положение на фронтах тяжелое. По всей Украине наши армии отходят на Восток под ударами немецких танков и авиации.

Русские десантники въезжают в ночную Москву. Едут по неосвещенным улицам. Окна заклеены полосами белой бумаги. Проекторные лучи в небе. Аэростаты. Легковой Опель, а за ним грузовые машины с немецкими солдатами движутся через площадь Дзержинского и въезжают на подворье Лубянки.

Кабинет Сталина. В дверях генерал Судоплатов П. А.

С у д о п л а т о в. Товарищ Сталин! Команда “Абверштелле Украина 202” доставлена в Москву.

С т а л и н. Присаживайтесь, Павел Александрович. Что собой представляет эта команда?

С у д о п л а т о в. Это настоящая передвижная школа для подготовки диверсантов. Автопарк школы содержит учебные классы и спец лаборатории. Полиграфическая лаборатория может печатать деньги и документы как европейских стран, так и СССР. Имеется радиооборудование, и оружейные мастерские. Основной костяк команды состоит из высококласных специалистов.

С т а л и н. Командира допрашивали?

С у д о п л а т о в. Долго молчал, не шел на контакт.

С т а л и н. Вы его лично допрашивали? Кажется, Вы владеете немецким?

С у д о п л а т о в. Так точно, товарищ Сталин! Допрашивал! Мы ему пообещали каждый день на его глазах расстреливать солдата, начиная с нижних чинов. После этого он заговорил. Дал позывные для поддержки радиосвязи с Берлином.

С т а л и н. Что удалось узнать о командире?

С у д о п л а т о в. Это капитан Вильгельм Нойман, выпускник Берлинской разведшколы. Успешно проводил военные и идеологические диверсии в Испании, за что Гитлер наградил его рыцарским крестом второй степени. Его команда обеспечивала вторжение Вермахта сначала в Польшу, затем через Бельгию во Францию. Границу СССР команда перешла в первые дни войны. Они двигались через Львов, Тернополь, Проскуров, Винницу. Цель – выход на Киев.

С т а л и н. Тот еще прусак! Вот с кем мы воевали в Испании! Как этот Нойман оценивает свое положение?

С у д о п л а т о в. Он обескуражен и не может понять, что с ним произошло. Он уверен, что Гитлер вскоре возьмет Москву, жалеет, что его при этом не будет на параде?!

С т а л и н. Подумаешь, Наполеон объявился! Как лучше распорядиться этим подарком от Гитлера?

С у д о п л а т о в. С началом радиосвязи с Берлинским центром мы поняли, что таких команд на Украине несколько. Пришла на ум одна идея, но это потребует больших усилий от НКВД.

С т а л и н. А конкретно?

С у д о п л а т о в. Через структуры НКВД надо подобрать и подготовить сто двадцать человек, владеющих немецким языком. Главное найти достойного командира с боевым опытом.

С т а л и н. Продолжайте.

С у д о п л а т о в. Мы эту, нашу команду, вернем Гитлеру.

С т а л и н. Вы уверены в успехе такой команды?!

С у д о п л а т о в. Уверен, товарищ Сталин! Надо только найти сильного командира. Но, где сейчас его взять?!

С т а л и н. Ваша идея, товарищ Судоплатов, заслуживает внимания. Давайте свяжемся с министром госбезопасности. (Приглашает по телефону Берия, раскуривает трубку).

Входит Берия. Судоплатов встает, руки по швам.

С т а л и н. (Машет рукой.) Заходи, Лаврентий Павлович! Ты уже знаешь, какую птицу поймали твои орлы?!

Б е р и я. Вы имеете в виду абверовскую команду? Я уже составил наградной список на командира и его десантников. Такая добыча не каждый день случается.

С т а л и н. О наградах позже. Лучше послушай, Лаврентий, что предлагает твой начальник внешней разведки. Говорите, товарищ Судоплатов!

С у д о п л а т о в. Хорошо бы привлечь через органы сто двадцать чекистов и подучить их немецкому. При этом необходим толковый командир.

Б е р и я (Удивленно). Вы хотите запустить к немцам Троянского коня?! Скорее, это будут наши русские медведи! Ну, генерал, я всегда поражался твоим задумкам! Каков, товарищ Сталин, а?!

С т а л и н. Вы, товарищ Берия, поработайте с товарищем Судоплатовым. Мне надо подумать о фронтах. Ленинград в блокаде. Враг подошел к воротам Киева.

Берия и Судоплатов выходят из кабинета Сталина.

С у д о п л а т о в. Лаврентий Павлович! Когда я смогу начать работу с командиром “медведей”?

Б е р и я (Улыбаясь). Завтра не обещаю! Через неделю позвоню.

ПРИБЫТИЕ НА ЛУБЯНКУ

До Москвы я добирался на поездах и попутках. Удостоверение работника НКВД очень помогло моему быстрому прибытию. Явившись в приемную на Кузнецком мосту, я передал мои документы дежурному капитану. Через несколько минут мне предложили пройти в здание на Лубянку. При входе в указанный кабинет, еще не успев закрыть тяжелую дверь, я услышал громкий, повелительный вопрос на немецком языке:

– Кто вы? Откуда прибыли? Докладывайте!

Обернувшись, я увидел, что за столом и возле стола сидело человек шесть старших военных. Когда пригляделся к золотым нашивкам на рукавах, это избавило меня от первоначального шока (откуда в Москве немцы?). В Николаеве меня проинформировали, что возможна встреча с высшими руководителями госбезопасности СССР. Мгновенно я выделил генерала, сидевшего в середине, и, как немецкий младший чин, доложил по-немецки:

– Господин генерал! Обер-лейтенант Шепеленко прибыл из города Николаева для дальнейшего прохождения службы!

При этом я принял стойку «смирно» и пристукнул каблуками (вспомнив, как это делали немецкие диверсанты). Кажется, мне удалось неплохо преодолеть этот внезапный психологический шок потому, что я услышал одобрителный шепот: «Какой молодец!» Мне было предложено присесть на стул напротив стола.

Присев, я стал изучать лица высших офицеров. Меня беспокоила неопределенность и цель «столь высокого приема». Генерал, имевший на кителе ордена Боевого Красного Знамени

и Красной Звезды, был довольно молодым. У него были черные волосы и волевое лицо. Под его орденами был прикреплен значок чекиста. Этот значок я видел и раньше, но сейчас он почему-то поглотил большую часть моего напряженного внимания.

Генерал спросил, как я добрался до Москвы и что видел по дороге. Я рассказал о своих дорожных трудностях, о том, что везде я видел следы бомбежек, сгоревшие села и разрушенные мосты. Много вопросов было о моих родственниках, о моей работе на Днепрострое. Вопросы задавали все. Когда эта комиссия (я полагаю, это была комиссия разведуправления Генштаба РККА) довольно подробно познакомилась с моей работой и биографией, и вопросы иссякли, генерал вдруг спросил:

– Как Вы думаете, что необходимо, чтобы изгнать захватчиков с нашей земли?

– Храбрых людей у нас достаточно, товарищ генерал. Но враг пока силен. Нам нужно изучить все его стороны и нанести удар в слабое место.

– Правильно думаете. Но как это сделать?

Я решил, что меня готовят к заброске в немецкий тыл, и ответил, что для этого надо иметь своих людей в немецкой армии (об этом было много разговоров).

ВЕРСИЯ ЗАХВАТА КОМАНДЫ АБВЕРА

Я несколько раз прочитал знаменитый бестселлер генерал-лейтенанта НКВД Павла Анатольевича Судоплатова «Разведка СССР 1930–1950 гг.». Появление этого документа связано с нелепыми и трусливыми опасениями Н. С. Хрущева при его борьбе за власть с Л. П. Берия после смерти Сталина в 1953 году. Арестовав талантливого руководителя советской разведки (правой руки Берия), Хрущев способствовал появлению знаменитой книги. Судоплатов не сломался в течение 11 лет тюремного заключения, воля его оставалась твердой, убеждения неизблемыми: «...Я был и остаюсь профессиональным революционером» – пишет о себе автор. Чтобы понять эту обжигающую мысль, обратимся к высказыванию лорда Честерфилда (1694 – 1773), сделанной им в книге «Письма к сыну»: «Люди обычно бывают тем, что из них сделали воспитание и общество, когда им было от 15 до 25-ти лет, – вся последующая жизнь зависит от этих лет». Революционер и разведчик – ликвидатор был убежден, что «...ликвидации Льва Троцкого и Евгения Коновальца были продолжением кровавой гражданской войны». Разведка, контрразведка, шпионаж, терроризм – все эти моральные и аморальные понятия в любом государстве связаны с насилием, убийствами и кровавым шлейфом, тянущимся за действиями спецслужб, не прекращающим войны ни на минуту. Так работает госбезопасность всех государств. И, горе тем народам, у которых слабая служба госбезопасности.

Я не знаю, какие документы о работе советской подставной абверкоманды могли сохраниться в архивах КГБ и ГРУ. Я не знаю всех обстоятельств, которые способствовали появлению такой команды. Поэтому, чтобы читателю было понятно, о чем пойдет речь, буду ссылаться на книгу П. А. Судоплатова:

«В первый же день войны мне было поручено возглавить всю разведывательно – диверсионную работу в тылу германской армии по линии советских органов госбезопасности. Для этого в НКВД было сформировано специальное подразделение – особая группа при наркомате внутренних дел. Приказом по наркомату мое назначение начальником группы было оформлено 5 июля 1941 года. Моими заместителями были назначены Эйтингон, Мельников, Какучая. Особой группе было приказано оказывать всяческое содействие людьми, техникой, вооружением для развертывания диверсионной деятельности в ближних и дальних тылах немецких войск...

По решению ЦК партии и Коминтерна всем политическим эмигрантам, находившимся в Советском Союзе, было предложено вступить в это соединение. Группа формировалась в первые дни войны на стадионе «Динамо». Под своим началом мы имели более двадцати пяти тысяч солдат и командиров, из них две тысячи иностранцев – немцев, австрийцев, испанцев,

американцев, китайцев, поляков, чехов, болгар, румын и т.д. В нашем распоряжении находились лучшие советские спортсмены, в том числе чемпионы по боксу, борьбе, легкой атлетике – они стали основой диверсионных формирований, забрасывающихся в тыл врага.

...В начале войны мы испытывали острую нехватку в квалифицированных кадрах. Я и Эйтингон предложили, чтобы из тюрем были освобождены бывшие сотрудники разведки и госбезопасности...

...Я получил на рассмотрение дела запрошенных мною людей. Из них следовало, что подавляющее большинство было арестовано по прямому приказу высшего руководства – Сталина и Молотова. К несчастью, Шпигельглаз, Карин, Мали и другие разведчики к этому времени были уже расстреляны...

...Другие чекисты, освобожденные из тюрем, приступили к работе, но с понижением в должности. Большинство из них были посланы в тыл к немцам во главе спецгрупп. Часть из них погибла, но некоторые – Медведев, Прокопюк – получили звание Героя Советского Союза за успешные партизанские операции в тылу врага...

...26 июня 1941 года я получил еще одно назначение на должность заместителя начальника штаба НКВД по борьбе с немецкими парашютными десантами. В 1942 году под мое начало было передано отборное подразделение десантников...

...В годы войны наше подразделение стало главным центром разведывательно – диверсионной деятельности органов госбезопасности в тылу противника...

В тыл врага было направлено более двух тысяч оперативных групп общей численностью пятнадцать тысяч человек...

...Существенный вклад в наши операции в тылу противника внесло партизанское соединение под командованием полковника Медведева. Ему первому удалось выйти на связи Отто Скорцени, руководителя спецопераций гитлеровской службы безопасности. Медведев и Кузнецов установили, что немецкие диверсионные группы проводят тренировки в предгорьях Карпат с целью подготовки нападения на советское и американское посольства в Тегеране...

Группа боевиков Скорцени также проходила подготовку возле Винницы, где одно время действовал партизанский отряд Медведева. Именно здесь, на захваченной нацистами территории, Гитлер разместил один из филиалов своей ставки».

Из приведенных цитат следуют выводы:

П. А. Судоплатов возглавлял всю разведывательно – диверсионную деятельность в тылу врага с первых дней войны.

П.А. Судоплатов уже с 26 июня 1941 года был заместителем начальника штаба НКВД по борьбе с немецкими парашютными десантами.

Партизанский отряд Д. И. Медведева действовал возле Винницы.

Приведенные выводы мне понадобятся для того, чтобы изложить, на мой взгляд, правдивую версию захвата немецкой абверкоманды. Командир немецкой команды во время допросов не мог назвать определенный район Винницкой области, где был захвачен в плен. Он назвал только три ориентира: дата захвата – начало июля, район захвата – село под Винницей, место – польский дворец. Этих расплывчатых сведений недостаточно, чтобы прояснить картину.

Итак, появившись в Москве где-то в конце июля – начале августа 1941 года, я не мог знать, сколько времени прошло от захвата до доставки немецкой абверкоманды в Москву. Я не мог тогда и представить, сколько дней ушло на принятие решения руководством разведки о подготовке нашего дубликата команды. Наверное, сам Судоплатов и его окружение не могли в то тревожное для страны время представить четкую программу формирования, подготовки, обучения и переправки такой сложной структуры.

Герой Советского Союза, полковник Дмитрий Николаевич Медведев в своих знаменитых книгах не называет лето 1941 года началом своей партизанской работы в тылу врага на Украине. Как следует из его воспоминаний, впервые в качестве командира парашютно-десантной

группы он приступил к работе в Брянских лесах не ранее «поздней осени 1941 года». Следовательно, отряд Медведева не захватывал эту абверкоманду. Вопрос: если отборные команды НКВД не захватывали немецкую команду, тогда какое подразделение Красной Армии могло это сделать?

Обратимся к 12-и томной «Истории Второй Мировой Войны 1939-1945 гг.» (Воениздат Минобороны СССР, Москва, 1973-1982 гг.). Я думаю, что следует начать с общей военной ситуации первых летних и осенних месяцев войны. Вот какая была ситуация на военно – исторических картах.

Том 4. Общий ход военных действий на советско – германском фронте летом и осенью 1941 года: ситуация для страны катастрофическая. Мощные синие стрелы – клинья немецких танковых и мотопехотных армий трех германских фронтов «Север», «Центр» и «Юг» разметали разрозненные, потерявшие управление, деморализованные части Красной Армии от Балтики до Черного моря. Окрепшие в европейских боях, хорошо обученные немецкие части ворвались через Польшу – Карпатский коридор на русские равнины. Не спасали ни долго строившиеся укрепления, ни русла многочисленных рек и речушек, ни количественное превосходство наших армий. Молодым и неопытным полководцам и командирам не удавалось поднять стойкость духа красноармейцев. На 12 июля 1941 года в тылу врага все же оставалось несколько разных по силе очагов сопротивления: Брест, Ленинград, Одесса, Севастополь. В конце сентября пал Киев и была захвачена почти вся Украина. Только в начале декабря, с наступлением зимних морозов Красная Армия одержала свою первую победу под Москвой.

Какова была ситуация летом и осенью на Украине в районе пленения немецкой абверкоманды? Основные войска группы армий «Юг» ворвались через Волынскую и Львовскую области. Между Львовом и Винницей 350 километров пути. Это 7-9 часов на добротных немецких машинах, даже по грунтовым дорогам (если не встречать сопротивление). К указанному времени ближе всех к Виннице занимала позиции 18-я армия.

В дневнике генерал – полковника немецкого Генштаба Франца Гальдера упоминается обстановка возле Винницы:

«7.07.1941. ...Оптимистические настроения командования 11-й армии сменились разочарованием... Входящий в состав 17-й армии моторизованный корпус Виттерсгейма (14-й корпус) слишком сильно растянул фронт, наступая на юг. 6-я армия продолжает продвигаться. Впереди ее левого крыла действует 1-я танковая группа, которая, видимо, только на южном фланге более или менее глубоко вклинилась в оборонительную полосу противника западнее Житомира... Противник всеми средствами поспешно выводит свои войска из «мешка», постепенно образуя в результате наступления 11-й и 17-й армий. Создается впечатление, что противник готовится к отходу за Днепр.

9.07.1941. ...11-я армия форсировала Днепр в районе Могилева-Подольского. 22-я пехотная дивизия понесла тяжелые потери в результате танковых контратак противника. 17-00: ...Донесение о том, что 11-я танковая дивизия достигла Бердичева. Это очень большой успех... 19-00: Обсуждение с Хойзенгером, как использовать прорыв на Бердичев. ...Противник выбил наши войска с плацдарма на Днестре, захваченного 11-ой армией (там находилась лишь часть полка «Бранденбург»)... 23-00: Разговор с Зоденштерном – начальником штаба группы армий «Юг» о дальнейшем развитии операции. Задача состоит в том, чтобы завтра так организовать наступление танковой группы Клейста, чтобы она могла немедленно повернуть на юг для создания кольца...

10.07.1941. Телефонограмма Гитлера главному группы армий «Юг»: «Я считаю правильным и необходимым немедленно повернуть на юг передовые соединения 1-й танковой группы по достижении ими рубежа Житомир, Бердичев, чтобы отрезать противнику пути отхода в районе Винницы и Южного Буга, и если позволит обстановка ударом через Буг установить связь с 11-ой армией. Второй эшелон 1-ой танковой группы должен составить заслон против

Киева, избегая при этом штурма города... Кольцо окружения, проходящее через Винницу, слишком узко...».

На этом можно было бы закончить исследования, сделав вывод о том, что до 10.07.1941 года в районе Вороновиц (между 8 и 10 июля) и была

захвачена немецкая абверкоманда и вывезена нашими в Москву через бреши в узком кольце. Но возможны еще версии. Так, после трех недель войны следует разобраться, а все ли пошло гладко у Гитлера с планом «Барбаросса»? Почему он так беспокоился слишком узким кольцом окружения наших войск под Винницей? Если удастся ответить на эти вопросы, тогда, возможно, появится ответ и на то, – какое советское подразделение захватило немецкую абверкоманду под Винницей.

Предоставим слово советским военным историкам. Вот, что написано в «Истории Второй Мировой Войны – ИВМВ» (т. 4, с. 23) о плане «Барбаросса»: «...Группа армий «Юг» по окончательному плану «Барбаросса» должна была, имея впереди танковые и моторизованные соединения и нанося левым крылом удар на Киев, уничтожить русские войска в Галиции и Западной части Украины. Далее своевременно захватить переправы на Днестре в районе Киева и южнее и обеспечить дальнейшее наступление восточнее Днестра. 1-й танковой группе Клейста предписывалось во взаимодействии с 6-й и 17-й армиями прорваться между Рава-Русской и Ковелем и через Бердичев-Житомир выйти к Днестру в районе Киева. Затем, двигаясь вдоль Днестра в юго-восточном направлении, 1-ая танковая группа должна была воспрепятствовать отходу обороняющихся советских частей на правобережной Украине и уничтожить их ударом с тыла.

Задача 11-й немецкой и 3-й, 4-й румынских армий по плану «Мюнхен», разработанному в развитие плана «Барбаросса» в июне 1941 года, сводилась в начале к активному сковыванию советских войск на границе СССР с Румынией. В последующем намечался их переход на наступление. Этим войскам предстояло в случае необходимости прорвать советскую оборону на реке Прут и продвигаться в общем направлении на Винницу».

План «Барбаросса» выполнялся плохо. Немецким войскам не удалось в начале войны «уничтожить русские войска в Галиции и Западной части Украины». Все советские армии (5-я, 6-я, 12-я, 26-я), располагавшиеся в этом регионе, отошли, согласно директиве Ставки, на новые рубежи обороны. Эти армии, хотя и были сильно потрепаны, все же продолжали сдерживать натиск врага на линии укрепрайонов Коростень – Новоград – Волынский – Шепетовка – Старокопачин – Каменец – Подольский. Да, 1-я танковая группа Клейста выполнила свою часть плана и прорвалась к Киеву (Киев был взят только в конце сентября 1941 года), а вот «...воспрепятствовать отходу советских частей и их уничтожению» – с этим не вышло. 6-я, 12-я и 18-я армии продолжали сражаться в сентябре на линии Днепропетровск– Запорожье – Мелитополь. Не удалось полностью выполнить задачу и 11-ой немецкой армии. Она очень долго прорывала советскую оборону на реке Прут и не продвинулась вообще в направлении Винницы. Силы этой немецкой армии и 4-ой румынской были оттянуты на подавление Одесского оборонительного района.

ИВМВ, том 4, с. 82-83: «...К 20 июля в связи с продвижением 11-й немецкой армии в сторону Первомайска положение советских войск на Правобережной Украине снова ухудшилось. Возникла угроза охвата правого крыла Южного и левого крыла Юго-Западного фронтов юга. Поэтому Ставка разрешила отвести 6-ю, 12-ю, 18-ю и 9-ю армии на линию Белая Церковь – Гайсин – Днестр. Одновременно она приказала нанести на киевском направлении контрудар по 1-й танковой группе с севера одним корпусом 5-й армии и с юга – двумя корпусами 26-ой армии. Войска 26-й армии под командованием генерала Костенко Ф. Я. начали наступление 29 июля и вынудили дивизии танковой группы Клейста перейти к обороне на рубеже Фастов – Белая Церковь – Тараща».

Из этих текстов следует, что в полосе Южного фронта, где находились города Винница и Умань, положение наших войск все время ухудшалось. И если Винница была взята немцами 16.07.41, то Умань (крупный ж/д узел) на 20.07.41 еще держалась и была взята только 13.08.41. Вывод: вывоз солдат и имущества захваченной немецкой абверкоманды из Вороновицы 16 июля был проблематичен, но возможен.

«...В последних числах июля войска правого крыла Южного фронта, в состав которого были переданы 6-я и 12-я армии, с боями отошли, избежав окружения. Между тем, 1-я танковая группа немцев второго августа вышла к Первомайску и перерезала пути отхода на восток этим армиям. В то же время 17-я армия, прорвавшаяся южнее Умани, и 11-я немецкая армия, продвинувшаяся до Балты, охватили советские войска с юга. 6-я и 12-я советские армии оказались в окружении. Боевые действия в районе Умани продолжались до 13-го августа. Советские дивизии более недели дрались в окружении (Уманский котел), но силы сторон были слишком не равными. Многие бойцы и командиры погибли в этих боях...». В этот период о захвате команды и тем более вывозе ее в Москву не могло быть и речи.

КАРТИНА ЗАХВАТА АБВЕРКОМАНДЫ

Теперь самое время попытаться воспроизвести гипотетическую картину захвата немецкой абверкоманды. К сожалению, при допросах ее командира Ноймана в конце сентября 1941 года я не посмел касаться этой болезненной для него темы. Первые дни Ноймана допрашивал профессиональный контрразведчик, которого потом сменил я. Руководителями задуманной операции с советским «дубликатом» этой немецкой команды передо мной была поставлена чисто психологическая задача. Ведь с начала июля по октябрь стратегическая обстановка резко изменилась. Все, что интересовало наш развед центр, уже было вытянуто у Ноймана. Мне нужно было изучить его характер, привычки, тонкости поведения и манеру общения. По возможности, надо было выведать о его каких-то неназванных знакомствах. Мне запрещалось его травмировать. Только позитивные эмоции. Прежде всего отмечу, что в ту пору Вильгельм Нойман был таким же молодым и здоровым мужчиной, как и я. Круг его интересов был чрезвычайно широк: экономика, военная история, искусство. Наши с ним беседы на разные темы так или иначе замыкались между тревожными ожиданиями его дальнейшей судьбы и его надеждами на скорое освобождение немецкой армией, которая, по его мнению, вот-вот возьмет Москву. Ему, как кавалеру высокой государственной награды – Рыцарского креста, было присуще тщеславие и привычка почитания, поклонение со стороны подчиненных. Как историк, он хорошо знал, что территория от Львова до Винницы и Умани когда-то принадлежала польским магнатам, и, вероятнее всего, он также знал о существовании Уманского Софийского парка. Он упоминал что-то о «роскошной природе», окружавшей дворец, на территории которого дислоцировалась его команда, в последнем периоде моих контактов с ним. После того как Нойману показали кадры кинохроники Московской битвы, где немцы потерпели свое первое крупное поражение, он уже перестал надеяться на свое чудесное освобождение. Я предполагаю, что именно в упомянутом дворце и состоялось пленение ста двадцати абверовцев нашими солдатами.

Раньше, во время оккупации Польши, а затем Франции, Нойман со своей командой позволял себе короткие «туристические» прогулки по историческим местам покоренных стран. Поэтому, проезжая через живописное село Вороновица, он решил на время остановиться в польском дворце. Что на территории дворца происходила стрельба или был короткий бой, свидетельствует всего одна могила. С тыльной стороны Вороновицкого дворца находится могила безымянному советскому разведчику. Так написано на гранитной плите памятника. Люди из старого поколения жителей поселка смутно, отдаленно, что-то вспоминали, что летом в 1941-ом во дворце квартировала немецкая абверкоманда. С вороновицкими жителями я встречался летом 1991, когда проездом в Херсон на своем «Запорожце», на полдня останавливался в селе.

Я побывал в залах дворца. В нем располагался музей авиации и космонавтики. Я прочел интересную историю создания и жизни этого дворца. С него начинается история русской авиации. Само название села «Вороновица», вроде бы определялось одноименным названием речушки, протекавшей издавна через село. Однако, для меня в этом названии было нечто символическое: ворона со своими широкими крыльями является устойчивым планером. Она и в ветреную погоду летает уверенно, и чувствует себя свободно, как рыба в воде.

Рост и происхождение этого дворца имеет польские корни, тесно связанные с Российской империей. В середине XV111 века село Вороновица приобретает Михаил Грохольский, представитель древнего графского рода. Еще до первого раздела Польши – 1772г., в 1764г. польский сейм, не без участия Екатерины 11-й (1729-1796), избирает королем Понятовского Станислава – Августа (1732-1798). Король своим указом назначает другого потомка Грохольских, Франциска, Винницким городским старостой. Этот староста становится камергером короля, а в 1774-1777 занимает пост советника короля. (Понятовский в молодые годы, благодаря связям своей матери среди политиков, занимал пост официального посланника при Российском дворе и был близко знаком с Екатериной, когда она еще не была императрицей). Старый деревянный Вороновицкий дворец Франциск Грохольский благодаря своей высокой должности получил возможность перестроить. С 1770 по 1777-ой был построен роскошный каменный дворец в стиле раннего классицизма, эпохи итальянского палладио. Итальянский архитектор Доменик Мерлини выполнил боковые крылья дворца слегка вогнутыми, что придало ему вид птицы в момент взлета. Территория вокруг дворца засажена деревьями по типу французских парков, где каждому дереву подбиралось особое место и особая форма последующей стрижки. Можайский Александр Федорович (1825 – 90) одно время проживал в Вороновице и исполнял обязанности Брацлавского мирового судьи. Его брат купил у подольских землевладельцев Грохольских село Вороновицу вместе с дворцом. И с 1869 по 1918г. братья владели приобретением совместно. А. Ф. Можайский, русский морской офицер, контр-адмирал, по натуре был романтиком, завидующим полету птиц. В 1881-ом он получил «привилегию» (приоритет) на «воздухоплавательный снаряд», а в 1883-ем построил свой летательный аппарат в натуральную величину и поднялся на нем в воздух с помощью конской тяги. Местная легенда повествует о том, как четверка лошадей разогнала аппарат, и он взмыл с крутого берега Южного Буга вместе с пилотом. Перелетев реку, аппарат ударился о землю и уже не подлежал восстановлению. Так начиналась эра русской авиации и космонавтики. После установления советской власти в Вороновицком дворце в разные годы находились: трудовая школа, училище, клуб Кавказской дивизии 14-ой армии, местная средняя школа. Музейная история дворца начинается с 1971-го. О жизни и деятельности конструктора первого в мире воздушного планера рассказывают документы, рисунки и фотографии. Сохранились в музее и личные вещи Александра Федоровича – портсигар и нарисованная им картина. Экспонаты рассказывают и о работах Циолковского К. Э. и Королева С. П. Представлена интересная экспозиция макетов первых советских самолетов марок К-1, К-2, К-7, По-2, ТУ-2 и ТУ-95. Представлены и макеты первых ракет и космических кораблей. Имеется современное летное и космическое снаряжение, а также вещи, принадлежавшие Можайским, Гризодубовой С. В., Гагарину Ю. А, Поповичу П. Р. Так Вороновица стала частичкой истории нашей авиации и страны в целом. У областного центра Винницы история еще богаче. Достаточно вспомнить, что в имении «Вишня» находится музей – усадьба русского ученого, врача и педагога, основоположника военно – полевой хирургии Николая Ивановича Пирогова (1810 – 1881). Участник Севастопольской обороны (1854 – 55) Пирогов Н. И. прожил в своем имении 15 лет. Мировую известность получил его атлас «Топографическая анатомия». Винницкий психотерапевт Анатолий Кашперовский также известен и в бывшем СССР и в мире. Винница была известна с 1363 года, как литовская крепость. С 1793 вошла в состав России. Имеет три католических монастыря: доминиканский, иезуитский и капуцинский. Любопытна история областной психатрической больницы имени академика

А. И. Ющенко, члена Британской психоневрологической ассоциации. Больница располагалась в двухэтажном старинном дворце. В стерильных палатах этого неординарного медицинского учреждения в мае 1942-го находились на (чуть не написал «излечении») временном постое главные фашистские деятели: Гитлер с Гиммлером и Риббентроп с Розенбергом. Они проживали в палатах для умолишенных, пока под Винницей в районе поселка «Стрижавка» доставлялись объекты гитлеровской ставки. Строительство вели военнопленные со всей Европы, в том числе советские. 14 тысяч их были расстреляны, для сокрытия тайны секретного волчьего логова «Вервольф». В селе Коло – Михайловка, на месте массового захоронения военнопленных, установлен памятник жертвам фашистов. С Винницкого аэродрома взлетали наши самолеты – разведчики для патрулирования советско – польской довоенной границы.

В июле 1941-го гауптман Вильгельм Нойман и его офицеры обратили внимание на старинный дворец. Убедившись, что дворец еще не занят ни кем из высших чинов, Нойман оставил хоз взвод для обустройства ночлега, а сам с младшими офицерами отправился на осмотр ландшафтных и ботанических достопримечательностей знаменитого на всю Европу Софиевского парка под Уманью. Этот парк связан с именем гречанки Софии, знаменитой авантюристки и жены польского графа Станислава Феликса Потоцкого (1751 – 1805). Прекрасная лицом, телом и умом София, шпионила в период русско – турецкой войны в пользу фаворита Екатерины II, Григория Потемкина (1739 – 91).

На ночлег «туристы» возвратились в приподнятом настроении и, проверив свои подразделения после отбоя, решили устроить вечеринку. Но они не учли, что фронт сильно растянут и в нем огромные бреши (смотри дневник Гальдера за 7.07.41: «... 14-й моторизованный корпус 17-ой армии слишком сильно растянул фронт, наступая на юг...»).

Дневные действия команды наблюдало множество людей – жителей самих Вороновиц и окрестных сел. Возможно, среди них были наши разведчики, которые и сообщили нашему командованию о «заблудившемся» немецком подразделении. Ночью или на рассвете абверкоманда была тихо, без боя захвачена в полном составе и со всем имуществом. Их доставили, возможно, в Умань, а оттуда уже в Москву.

Движение автомашин команды (25 единиц) могло быть обнаружено и нашей воздушной разведкой. Из записей Гальдера с 11 по 18 июля 41 года:

«12.07.41 г. ...Распределение сил авиации противника. Перед фронтом группы армий «Юг» действуют 1043 самолета противника, которые базируются на аэродромах вплоть до района восточнее Днепра...».

Из тех 1043 советских самолетов, наверное, было несколько десятков самолетов – разведчиков. Пролетая по линии Винница – Умань, экипажи этих самолетов могли видеть колонну машин, двигавшихся в сторону Умани и остановившихся, например, в Вороновицах. Территория вокруг Винницы не была еще занята большим количеством немецких войск (по Гальдеру, эта территория должна была превратиться в «мешок» для советских войск). В этом случае можно допустить, что там еще «хозяйничала» Красная Армия.

А дальше по цепочке – воздушная разведка заинтересовала полевую армейскую разведку, полевая разведка выделила роту, и вот результат – наши захватывают спящих абверовцев, потерявших бдительность. Такой вариант не исключен. Еще 14. 07. 41 года ни 17-ая немецкая армия, ни первая танковая группа не добрались до намеченных планом пунктов Винница, Кировоград. Захват Винницы произойдет только 16. 07. 41 года, а, как мы уже упоминали ранее, Умань еще держалась. Отсюда вывод: захват команды Ноймана был произведен в период с 10-го по 12-е июля 1941 года, возможно и раньше.

Теперь настало время ответить на вопрос – какое подразделение Красной Армии пленило немецкую абверкоманду? 22 июня ближе всех ко Львову располагалась 6-я армия. Через месяц 6-я вместе с 12-ой армией находились в районе Винницы. В августе эти две армии попали в окружение, оказавшись в Уманском «котле». На карте №3, ИВМВ, том 4, в конце сентября 6-ю

армию видим севернее Лозовой в составе Юго-Западного фронта, а 12-я армия располагается южнее Лозовой. Части какой из этих двух армий принимали участие в пленении абверкоманды Ноймана? Думаю, ответить уже некому. Мне хотелось, чтобы это было одно из подразделений 6-й армии. Дело в том, что с помощью командующего оперативной группой 6-ой армии генерал – майора Л. В. Бобкина (1894 – 1942), окончившего высшую кавалерийскую школу в Ленинграде вместе с маршалами Еременко, Жуковым и Рокоссовским, моя подставная абверкоманда переходила линию фронта 12 мая 1942 года. За смелость и лихость генерала Бобкина сослуживцы называли «гусаром». Барвенковская операция была неудачно проведена, – многие солдаты и офицеры попали в окружение, а генерал Бобкин вместе с сыном погибли в этом окружении.

ВВОДНОЕ ИНТЕРВЬЮ С ГЛАВНЫМ ГЕРОЕМ ПОВЕСТВОВАНИЯ

– Александр Дмитриевич, Вы не могли бы вспомнить, что Вы видели осенью 41-го в Москве? Какие эпизоды Вашего пребывания самые яркие?

– Трудный вопрос. Помню, едва я отправился из Николаева в середине августа в Москву, как в город вошли немцы. Через неделю я был в Москве. Первый раз. Кроме Баку, Одессы и Харькова в крупных городах я не бывал. Улицы Москвы, которые я наблюдал из окна эмки, когда меня везли в какой-то загородный особняк, были опустевшими. Из особняка я не имел возможности отлучаться. Занятия по 12-14 часов. Месяца два интенсивные занятия немецким языком. Я думал, что немецкий знаю, ведь мое детство прошло среди немцев. Но это только мне казалось. Конечно, все мы человек тридцать, которые были со мной в группе, могли слушать в свободное время военные сводки. Кинохронику нам показывали. Немецкие газеты мы должны были читать. Свою «Красную звезду». Представление о сражениях получали. И я и мои «однокурсники» не думали, что немцы так быстро окажутся под Москвой. Из сводок мы знали, что в конце сентября немцы вошли в Киев, несмотря на разрушенные мосты. Но, что они в то же время появятся в Подмосковье, – никто не мог себе представить.

– Когда они там появились ?

– Почитайте мемуары наших военачальников. Наши военные историки период с октября 41-го по апрель 42-го называют «Битвой под Москвой». Мне больше запомнились воздушные бои над Москвой, которые мы могли наблюдать темными вечерами и ночами. Вой сирен. Аэростаты, освещаемые прожекторами, и среди них, как серебристые мотыльки мечутся самолетики. Было страшновато. Особенно, когда взрывались бомбы. Это означало, что гибли беззащитные люди. Рассказывали про пожары. Немцы сбрасывали фосфорные бомбы. Ведь у нас тогда была слабая истребительная авиация, и не хватало достаточного количества бомбардировщиков. Сражались наши летчики на тех же ишачках И-16, на которых мы воевали в Испании в 1937-ом! Правда, вводились в строй уже Яки. Немцы нас опережали. У них, после Испании появилось много новейших истребителей и бомбардировщиков. Почитайте книгу Ивана Стаднюка «Москва, 41-й». Там перечисляются типы их самолетов: «Дорнье», «Мессершмит», «Хенкель», «Юнкерс». Кабины многих из них уже прикрывались броней, а сверху кабины пилота и в хвосте находились стрелки с пулеметами. Понятно, что если пилот ранен, то самолет становится неуправляемым. У нас эти новшества появятся на год позже. Это сейчас у нас есть и сверхзвуковые, и летающие на больших высотах, и достигающие через Северный полюс Америки. Тогда этого не было. Сражались даже на фанерных, которые горели, как порох. Эх, – да, что тут скажешь...

– Александр Дмитриевич, из того, что я услышал от Вас, я понял, что повоевав в Испании летчиком, а затем вылавливая немецких парашютистов в Одесской области, вы стали профессиональным военным. Как и многие, кто побывал в Испании, вы все участники боевых действий, были хорошо подготовлены к схватке с врагом. И вот, Вам в Москве военными специалистами из ведомства П. А. Судоплатова была поставлена задача за полгода перевоплотиться

в командира немецкой абверкоманды. Вас познакомили с «оригиналом», а Вы, досконально изучив его, должны были воспроизвести точную копию. Зададимся вопросом: как получилось, что фашист, опытный разведчик, человек волевой, преданный фюреру и своей стране, согласился отдать свое «я» врагу?

– Вы упрощаете и в то же время усложняете вопрос. Поймите, это война, это смерть, это полная зависимость пленника от воли его пленивших. Нойман молчал первые два дня, пока ему не было сказано, что у него на глазах к новому 1942-му году будут расстреливать по одному каждый день членов его команды, начиная с офицеров, а он будет последним. Таким образом, все сто двадцать солдат будут расстреляны до Нового года, и это станет его «новогодним подарком».

– Получается, что он не захотел взять этот смертный грех на душу и пошел на сотрудничество с нашей контрразведкой. Как произошел Ваш первый контакт с Нойманом?

– Это произошло в конце сентября 1941 года. Майор, с которым я изучал структуру Абвера, сказал, что я буду присутствовать на допросе настоящего офицера Абвера. Мне будет предоставлена возможность задавать вопросы абверовцу, но надо будет щадить его самолюбие. Дело было так. Я вошел, Нойман посмотрел на меня с безразличием. Подполковник, который его допрашивал, говорит ему через переводчика, что это мой заместитель, теперь он будет задавать вопросы. «Похожи Вы на него или нет?» – Молчит. Но посмотрел. Сколько ему не задавал вопросов подполковник – он молчал. Видно, до этого подполковник специально унижал его достоинство. Подполковник еще задал ему несколько вопросов и ушел. Я Ноймана спросил: «Где Вы родились?» Он ответил. «Мать есть? – Да. Отец? – Погиб в 1918 году на Украине под Киевом. Дети есть? – Да, сын». Он спросил меня: «Где сейчас проходит линия фронта?». Я ответил: «В основном на рубеже Днепра», хотя уже был взят Киев и германские войска перешли Днепр. Он сказал, что не сомневается в победе немецкой армии и утверждал, что немцы вот-вот возьмут Москву. Я ответил ему: «Поживем – увидим». Мы часа полтора проговорили о Берлине, о Москве и других городах. Он скупно отвечал, а я присматривался к нему. Потом вдруг он взорвался: «Да! Рогатые русские уничтожат меня!» Он был уверен, что все русские с рогами. Я улыбнулся и ответил: «Вы слышали, как подполковник сказал, что я похож на Вас – значит и у Вас рога!» Смотрел, смотрел на мою голову, потом удивленно спрашивает: «А все русские такие, как Вы?» Все, говорю. Молчал, молчал, потом вдруг говорит: «Вы не похожи на русского, скорее вы немец». Я тогда ему говорю, что я и не немец и не русский, а украинец. Он говорит, что для него внешне одинаковы и русские и украинцы и продолжает настаивать, что я немец. Мне пришлось спеть ему начало украинской песни «Карие очи, очи дивочи...».

– Как он среагировал на эту песню, она ему понравилась?

– Он сказал, что слышал эту песню на каком-то концерте в Берлине.

– Это, наверное, хор имени Пятницкого гастролировал?

– Не знаю, чей хор ее пел, но мне пришлось петь эту песню Судоплатову. Меня привезли на Лубянку зимой, и сразу в кабинет к начальству. Судоплатов интересуется, как у меня складываются отношения с Нойманом. Я говорю, что нормально. Он спрашивает, смогу ли я воспроизвести его манеру разговора. Я что-то «пролаял» ему по немецки, а потом рассказал, как мне пришлось убеждать Ноймана, что я не немец. Судоплатов долго смеялся, а потом попросил спеть эту песню. Я сначала стеснялся, ведь начинается песня с высоких нот, это как бы признание в любви. Ничего, запел, взял верную ноту, и Судоплатов стал подпевать мне, ведь он родом из Мелитополя. Это недалеко от моего Запорожья. Он похвалил мои достижения в изучении Ноймана и мой музыкальный слух, но так и не сказал, куда меня готовят. На мои вопросы, он отвечал – «Все в свое время узнаете!».

– Наверное, в той военной ситуации на фронте под Москвой, и сам Судоплатов не мог себе представить, чем закончится сражение.

– Да, я скажу Вам, немцы так бомбили Москву, что иногда и Нойман вздрагивал. Я пытаюсь его успокоить и говорю, что хотя его забрали в плен, пусть он не думает, что его расстреляют, даже если немецкие самолеты усилят налеты на Москву. Я убеждал Ноймана, что, если он захочет, его могут отправить за Урал, куда немецкие бомбы не долетают, а после войны он вернется в Германию. «Ваши жена и сын будут рады видеть Вас живым и невредимым. Вы скоро сможете быть дома!», – убеждал я его.

– И удалось убедить?

– Воспоминания о семье и доме растопили его стойкость. Постепенно он раскрылся и начал общаться. Я убедил Ноймана, что его военные операции и преступления меня не интересуют.

– Скажите, Вы спрашивали его, что он думает о своем пленении?

– Да, конечно. Он рассказал: «Мы приехали ночью на окраину села. Только мы расположились в каком-то старинном дворце, и вдруг часовые

стреляют. Я выскочил из дома, а машина с советскими солдатами уже во дворе, и мне на немецком говорят, что мы окружены и вся команда взята в плен. Как же так случилось?!» – сокрушался он. А я ему: «Наши берут ваших, а ваши наших. На войне, как на войне». Но я и словом не обмолвился, что готовлюсь на его место, ведь это его разозлит. Постепенно он разговорился. Следовательно – подполковник имел знаки отличия, а я был в гимнастерке, без каких-либо офицерских знаков. Это специально, для доверия. Потом он заметил: «Кажется, русские тоже могут воевать». Он все недоумевал: «Русские были впереди, а оказались сзади?». Я потакал его мыслям и никаких «трудных» вопросов не задавал. Нужно было психологически закрепить доверие. Ведь мне предстояло перевоплотиться в него.

– В книге Теодора Гладкова о Кузнецове, я прочитал, как он талантливо, как настоящий актер перевоплощался в немецкого офицера. Люди, которые видели его в немецкой форме, вспоминали, как на его лице «появлялось напыщенное презрение», как он смотрел «уничтожающим» взглядом, и как от него «веяло холодом». Вам тоже приходилось изображать «напыщенное презрение»?

– Вы должны понимать, что каждый разведчик, наш или не наш, должен уметь перевоплощаться. Играть кого-то, чей образ ему подходил больше всего по внешним данным. У меня была несколько иная задача. Или, как говорят режиссеры – «сверхзадача». Мне предстояло среди немецких офицеров играть конкретного человека. Играть так, чтобы не обнаружили подделку. В этом была сложность. На первых порах я боялся разоблачения. Мы не успели влиться в немецкую армию, как меня задержал их лейтенант на контрольном пункте, потому что у его начальника, – капитана, родственник носил такую же фамилию. А, если бы я действительно оказался родственником капитана? Или знакомым?

– Слава Богу, что это не произошло, а ты бы мы сейчас не беседовали с Вами. Рассказывайте, пожалуйста, дальше.

– Мы разговаривали с утра до обеда и после обеда – целый день. Я много расспрашивал его о Берлине. У меня была карта и я, согласно конкретному заданию, должен был хорошо изучить город. Это отвлекало его. Он думал, что я готовлюсь для заброски в Берлин и не допускал мысли, что я возглавлю его команду. Поэтому, надеясь, что меня сразу схватят, он охотно отвечал на вопросы, возможно, и вводя «простака» в заблуждение. Нойман показал мне даже свою улицу и примерное расположение дома. Но родом он был из Потсдама, где жила его мать. А в Берлин он переехал после Первой мировой войны, когда правительство дало квартиру для семьи его погибшего отца.

– В каком чине был его отец?

– Не помню, что он ответил, но точно офицером. А в 1918 году произошла революция и у них, и у нас. Он окончил школу и пошел в военное училище. Его сразу забрали в Абвер. Первая работа – Испания.

– В какой местности Испании он работал?
– На севере. Он забрасывал свою агентуру в республиканскую армию и внедрял провокаторов среди населения.

– Какой цвет волос был у Ноймана?

– Такой же, как у меня, – шатен, глаза голубые, и даже роста одинакового. У него был денщик. Но жили они в разных комнатах. Денщик чистил ему мундир и сапоги. Но, на допросы денщика я не вызывал. А следовало бы.

– Нойману давали книги?

– Он любил просматривать подшивку «Огонька». Даже делал пометки. Например, на фотографии, где Сталин на мавзолее принимает первомайский парад, он написал: «Почему рядом со Сталиным только гражданские лица, а где же военные? Где генералы?» Каждый раз, когда он был у меня на допросах, сотрудники НКВД просматривали все его вещи и обо всем мне докладывали. Как-то он сделал пометку на фотографии борца Гурского. Гурской тянул 3-х лемехный плуг. Нойман написал: «Фантастический человек». Видимо, ему нравились сильные люди. У Гурского была сестра – тоже сильная. Она вышла замуж за одного днепропетровца. Как-то она с мужем была в цирке. Там выступал борец, который легко укладывал здоровых мужиков. Этот борец обратился к публике, кто желает помериться с ним силой? Цирк молчал. Тогда сестра Гурского крикнула: «Я!» Цирк замер. Женщина вышла на ковер. То ли борец опешил, то ли у нее действительно была зверская сила, но она его положила на лопатки под восторженные аплодисменты публики. Когда она вернулась на место, мужа не было. Он сбежал то ли со страху, то ли со стыда. Нойман искренне смеялся, даже хохотал. В этот момент его расслабления мне удалось схватить большую частицу его внутреннего я.

– Нойман рассказывал о своих родных? Что он вспоминал о доме?

– Конечно, он думал о семье. У него была надежда, что он вернется к своим. Он считал, что война скоро закончится. Германия займет территорию до Урала, где будет немецкая власть, а с другой стороны Дальний Восток и Сибирь будут заняты Японией. Так было намечено Гитлером. Нойман верил, как все немцы, Гитлеру, а мы – Сталину.

– Ноймана водили мыться в баню?

– В особняке, на нижнем этаже была душевая с ванной. Ему разрешали принимать душ каждый день, когда он хотел.

– Как высшие чины НКВД контролировали ход Ваших допросов и бесед с Нойманом?

– Каждый вечер после допросов в специальной комнате я докладывал майору НКВД о содержании своих бесед. Он одобрительно высказывался, иногда, правда, подправляя меня. Но только иногда. Никаких заданий мне не ставилось, кроме как «дружески» общаться.

– Нойман не рассказывал, какой он стрелок? Вы ему не говорили, что награждены значком «Ворошиловский стрелок»?

– У меня на гимнастике висел этот значок. Он полюбопытствовал. Я ему сказал, что мы много тренировались. Каждый день стреляли по два часа. Сначала из малокалиберной винтовки и пистолета, потом из боевого нагана. Маузеров нам не давали. Маузеры были только у начальства – у высших чинов.

– Нойман обратил внимание на Ваш значок в первый или во второй день?

– В первый день. Он так пристально его разглядывал, но не решался спросить. По-видимому, из наших боевых наград он ему был не знаком. Потом он спросил, указав пальцем, что это такое? Я ответил, что это за отличную стрельбу. Он сказал, что у них тоже есть подобные призы. В Абвере их учат стрелять вслепую. В темном коридоре тянут консервную банку, она громыкает, и в нее надо попасть. Я сказал, что и у нас было такое, но звук создавался неожиданно и, в основном, сзади, надо было быстро развернуться и попасть. Это было очень трудно. Он сказал, что у них в Абвере тоже было такое, и он попадал. Это упражнение на быстроту

реакцию особенно необходимо для разведчика, если за ним идет «хвост». Важно выстрелить первым и незаметно для преследующего.

– На какой день после начала допросов Вы почувствовали, что Нойман к вам «дружески» расположен?

– На 3-5-й день. Он тоже искал во мне человека, близкого по менталитету, которому можно было исповедаться. Я рассказывал ему, как ходил в немецкую церковь, беседовал с пастором Густавом. Я сказал ему, что в детстве ходил в немецкую школу, что меня воспитывали немцы Копп, Фризе, Густав, я пел в немецком клиросе. Копп даже хотел в 1918 году забрать меня в США. Жизнь немцев – колонистов сильно интересовала Ноймана. Я сказал ему, что украинцы и русские, которые жили в Кичкасе, уважали немцев и хорошо к ним относились. Ценили их трудолюбие, методы воспитания детей и умение хорошо делать свою работу.

– Кто такой Копп?

– Это был заводчик в Александровске. На заводе сельхозмашин Якоба Коппа работало около 100 человек. Мой отец работал машинистом в котельной, где вырабатывался пар. Пар крутил маховик, а с маховика с помощью ременных передач движение передавалось на станки, где вырабатывались детали. Часть паровой энергии преобразовывалась в электрическую – для освещения цехов. Я рассказал, как однажды мать попросила меня отнести отцу на завод обед. Меня на проходной знали и пропустили. Меня заинтересовало мое отражение на медно-латунной поверхности парового цилиндра. И вдруг, в машинное отделение заходит сам заводчик Копп. Отец сказал ему, что я его сын. Он поздоровался со мной за руку. Вообще-то Копп был отличным хозяином и хорошим человеком.

– Как Нойман отнесся к Вашей характеристике Коппа?

– Он восхищался Коппом. Мне удалось создать образ добропорядочного немца, потому что я, по-видимому, любил Коппа, как и он меня полюбил. Когда отца убили, он хотел меня усыновить. Копп дал нам свою подводку – линейку, и на ней мы отвезли гроб на кладбище. Он также присутствовал на похоронах. Он как-то пришел к нам на Новый Год. Мне от Деда Мороза подарил костюм, а девочкам – юбки. Нас было пятеро душ. И каждому по подарку.

– Вы рассказали об этом Нойману?

– Конечно. Он сказал, что мать неправильно поступила, не отпустив меня в 1918 году в Америку вместе с Коппом. Я бы был уже большим человеком. Нойман стал невольно, «поздравительно», переживать за мою судьбу: «Америка – богатая страна. Надо было матери отпустить Вас». Это был успех моих психологизмов.

– Нойман не высказывал своего отношения к коммунистам, большевикам?

– Нет. Видимо, он понимал деликатность этой темы, мою роль, и знал, что нас прослушивают.

– Нойман был религиозен? Он молился?

– Он рассказал мне свой распорядок: туалет, бритье, молитва, физзарядка.

– Нойман рассказывал о своих солдатах и офицерах?

– Он говорил мне о своем помощнике, который тоже закончил «абвершколу».

– А солдаты были все его прежние, из Испании? По какому признаку он подбирал солдат?

– Нет. Ему их подбирали. Дисциплина, патриотизм, сознательность, знание языков.

– Как кормили Ноймана в тюрьме?

– Он сидел ведь не в тюрьме. Это был особняк.

– Особняк в центре Москвы, не помните?

– Я сам тогда Москву видел первый раз. Не могу сказать где, но точно не в центре. В нашем особняке Нойман ходил в кино.

– Ему показывали фильмы? Вместе с Вами?

– Нет, он сам ходил. Я его спрашивал, что он смотрел вечером? Рассказывал. Помню, ему очень понравился наш «Чапаев». Он любил вспоминать этот фильм и в наших беседах восхи-

щался смелостью Чапаева. Нойман считал его настоящим героем. Все его товарищи погибли, а он, Чапаев, забрался в дом и долго отстреливался из пулемета. Недостатком фильма он считал то, что главного героя убивают. Надо было, чтобы он переплыл реку.

– Возможно его водили в Московские театры?

– Нет, что Вы, только кино!

– Рассказывал ли Нойман о своих связях?

– Он имел связь только с Абвером. Когда их перевели в военную школу в Берлине, то количество контактов на «гражданке» резко ограничило.

– Встречался ли Нойман с Канарисом?

– Да. Он общался с адмиралом по службе. Он же все задания получал от Канариса. Канарис поздравлял его с наградой от фюрера и давал приемы в его честь за заслуги в Испании и Польше. Даже Канарис не имел «Креста с дубовыми листьями». Ведь Польшу взяли очень быстро. Агентура Ноймана этому способствовала.

– Нойман не рассказывал о служебных эпизодах? Не сквозило ли в нем бахвальство?

– Он не был хвастуном. Мне он нравился. Я учился у него, как надо поступать в экстремальных ситуациях. Мне приходилось через день – два уточнять некоторые детали. Он терпеливо и спокойно все объяснял.

– Вы помните хотя бы один пример, который поразил Вас, где было бы чему поучиться?

– Нет. Такого не помню. Ведь прошло пятьдесят лет. Но я могу сказать уверенно, что многое у него перенял. Он мне нравился просто как человек: выдержка, дисциплина, самообладание даже в плену, без эмоций и экзальтации. Это был твердый, настоящий мужчина. Он как-то заметил, что охотно делится со мной не очень важной информацией и то лишь потому, что не сегодня–завтра немецкие войска войдут в Москву.

– Чтобы изучить и постигнуть суть человека, надо его узнавать по крупницам: как он двигается, ест, думает. А как он ходил, его походка?

– Фигура атлета, походка мягкая, подбородок вверх. Каждый шаг – как на картинке – идет немецкий офицер, уверенный в своей силе, независимый, немного высокомерный. Ему разрешили оставить погоны, и он с достоинством их носил. Но «Крест с дубовыми листьями» отобрали. Он находился у меня в столе. Его личность и необходимый минимум человеческих прав ни в чем не ущемлялись. Думаю, не ошибусь, если скажу, что его НКВД держало для обмена, а, возможно, учитывая риск нашей операции, его и расстреляли. Мне это неизвестно. Но в моей дальнейшей работе в немецком тылу, во Львове, его психологический портрет мне помогал. Я всегда задавал себе вопрос: а как бы поступил Нойман? И решение находилось. Помню, при встрече с инспектором Абвера, полковником, я держался независимо. Полковник – всего лишь инспектор, тыловая крыса, а я – боевой офицер, командир спецкоманды. Я каждый день подвергаюсь риску, я должен думать о своих людях. А главное – должен быть эффект от моей работы. Я – производитель агентов, диверсантов – людей незаурядных, поставляющих развед данные с переднего края. Мог ли это выполнить полковник? Вряд ли – лень, сытая еда. В первый же день инспекции я пришел в комнату к полковнику и смело, без тени смущения, пожаловался на недостойное поведение его заместителя – майора. Этот майор ходил и провоцировал примитивным способом моих солдат – верят ли они фюреру? Мы сами можем спросить, – верит ли он! Какое он имеет право вести в секретном подразделении свои записи?!

– Вспомните еще какие-либо черты, характеризующие Ноймана.

– Он был выбрит каждый день еще с вечера. Не курил, но, когда работал с агентурой, всегда угощал их дорогими папиросами, подчеркивая уважение и значительность агента. В начале, когда я его увидел, стрельнула мысль: зачем мне дали допрашивать этого зверюгу – фашиста? А потом я увидел, что он не с гонором, как большинство немецких ассов, которых я допрашивал в Испании и Измаиле. Не озлобился против меня. Понемногу отвечал на вопросы. Интересно рассуждал о взаимоотношениях разведчика и женщин. Я помню о том, как Нойман

говорил, что с женщинами надо быть осторожным. Для разведчика женщина – это опасность. Не знаешь, чего и с какой стороны от нее ожидать. Женщина не предсказуема, алогична. В Испании у Ноймана был ценный агент – красивая девушка. Он мог ею воспользоваться. Но, во-первых, семейный долг, а во-вторых, после близости с ним вряд ли она стала бы подвергать себя риску и добывать сведения. Достаточно было того, что она получала хорошие деньги, хотя и пыталась его соблазнить. Но в Берлинской школе Абвера их очень строго предупреждали насчет женщин. Нойман говорил, что его девушка – агент работала официанткой в известном мадридском ресторане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.